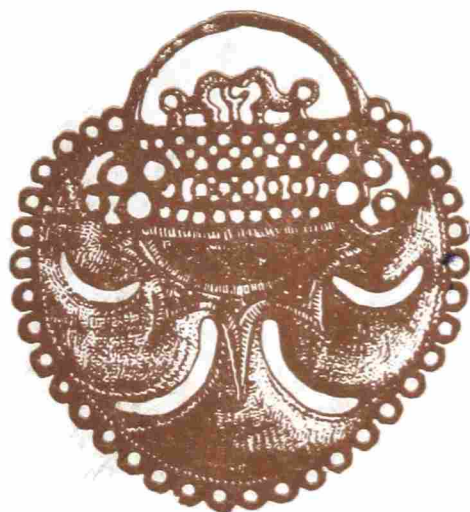

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1
1990

1990 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Нариманов И. Г., Джафаров Г. Ф. (Баку). О древнейшей металлургии меди на территории Азербайджана.	5
Борзунов В. А. (Свердловск). Генезис и развитие гамаюнской культуры.	15
Скорый С. А. (Киев). К вопросу о скифских походах в лужицкие земли.	34
Звиздецкий Б. А. (Киев). О времени существования летописного Городеска.	42
Тимофеева Т. П. (Владимир). Владимиро-суздальский лапидарий и его значение для изучения памятников белокаменного зодчества XII—XIII веков.	57
Виленчик Б. Я. (Ленинград). К вопросу о пересмотре датировок деятельности глав русских епископов XIII в.	66
Харлашов Б. Н. (Псков). К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле.	72
Башилов В. А., Родригес К. А., Э. Сальгадо Лопес (Москва, Мехико). Исследования доиспанского поселения Кабо де ла Вела в Юго-Западной Колумбии.	85

Дискуссии

Мельник В. И. (Москва). Из истории полтавкинской проблемы.	103
Отрощенко В. В. (Киев). О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры.	107
Пятых Г. Г. (Москва). К дискуссии по происхождению срубной культуры.	113
Потемкина Т. М. (Москва). О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона.	118

Публикации

Михайлов Б. Д. (Мелитополь). Петроглифы из пещеры «Подкова» на холме Каменная Могила в Северном Приазовье.	131
Власкин М. В., Ильюков Л. С. (Ростов-на-Дону). Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньча.	137
Балабина В. И., Борисенко Л. А., Яхонтова Л. К. (Москва). Исследование охр из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона.	154
Молодин В. И., Погожева А. П. (Новосибирск, Москва). Плита из Озерного (Горный Алтай).	167
Горбунова Н. Г. (Ленинград). Ферганский могильник Хангиз I.	178
Гопак В. Д., Радзиевская В. Е. (Винница, Харьков). Кузнечное ремесло Коломакского городища в VI—III вв. до н. э.	199
Беспалый Е. И. (Азов). Погребения позднесарматского времени у г. Азова.	213
Мыц В. Л. (Симферополь). Крестообразный храм Мангула.	224

Заметки

Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н. (Грозный, Черкассы). Новые данные о связях Северного Кавказа с Закавказьем.	243
Эрлих В. Р. (Москва). К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени	247
Каминский В. Н., Астахов И. Л. (Краснодар). Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе.	250
Гмыря Л. Б. (Махачкала). Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана.	254
Зайцев Ю. П. (Симферополь). Золотой статер Риметалка из Неаполя скифского.	259
Мажитов Н. А. (Уфа). Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника.	261
Коваленко В. П., Пуцко В. Г. (Чернигов, Калуга). Византийская резная иконка из Чернигова.	267
Марков Д. Б., Строков А. И. (Киев). О сребренике Владимира Святославича из собрания Музея исторических драгоценностей УССР.	270
Марков Д. Б., Молчанов А. А. (Киев, Москва). Две древнерусские печати XII в. из Нижнего Подесенья.	271
Стенников Г. Ю. (Волгоград). К вопросу о технике чеканки монет в Золотой Орде.	274

История науки

Бибиков С. Н. (Киев). Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский.	277
Алексеев Л. В. (Москва). Кто был автором «Приглашения барона К. И. Аша» (1819 г.)? (О первой периферийной инструкции собирания древностей).	283

Критика и библиография

Кренке Н. А., Макаров Н. А. (Москва). Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986.	288
Макаров Н. А. (Москва). Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987.	292
Кузнецов В. А., Черчесова М. Д. (Орджоникидзе). Zgusta L. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987	297
Пугаченкова Г. А. (Ташкент). Горячева В. Д. Город Золотого Верблюда. Фрунзе, 1988.	304

Хроника

Аникович М. В. (Ленинград). Дискуссия об узловых проблемах первобытной истории в связи с выходом в свет «Истории первобытного общества». Т. 1, 2.	308
Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). Советско-финляндский симпозиум по теме «Культурные и экономические связи славянских и финно-угорских племен в древности и раннем средневековье» (Хельсинки, 1988).	314

1990 **1**

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Narimanov I. G., Jafarov G. F. (Baku). On the Earliest Copper Metallurgy in Azerbaijan	5
Borzunov V. A. (Sverdlovsk). The Genesis and Further Development of the Gamayun Culture	15
Skory S. A. (Kiev). On Scythian Inroads into the Lusatian Lands	34
Zvzdetsky B. A. (Kiev). On the Dating of Gorodesk from the Chronicles	42
Timofeyeva T. P. (Vladimir). Collection of Cut Stones in Vladimir-Suzdal Architectural Reserve and Its Significance in Studying the Monuments of White-Stone Architecture of the 12th and 13th Centuries	57
Vilenchik B. Y. (Leningrad). On the More Precise Dates of Russian Bishops and Archbishops in the 15th Century	66
Kharlashov B. N. (Pskov). On the Emergence of Pogosts in the Pskov Land	72
Bashilov V. A., Rodrigez K. A., E. Salgado Lopez (Moscow, Mexico). Studies of Cabo de La Vela, a Pre-Columbian Settlement in South-Western Columbia	85
Discussions	
Melnik V. I. (Moscow). From the History of the Poltavkino Problem	103
Otreshchenko V. V. (Kiev). On a Possibility of the Poltavkino and Catacomb Tribes Contributing to the Timber-Grave Culture	107
Pyatykh G. G. (Moscow). On the Discussion about the Origins of the Timber-Grave Culture	113
Potemkina T. M. (Moscow). On Some Controversial Problems of the EBA and MBA in the Volga-Ural Region	118
Publications	
Mikhailov B. D. (Melitopol). Petroglyphs from the „Podkova“ Cave in the „Kamennaya Mogila“ Mound on the Northern Azov Coast	131
Vlaskin M. V., Ilyukov L. S. (Rostov-on-Don). The Early Mediaeval Burial Mounds with Moats in the Sal-Manych Interfluve	137
Balabina V. I., Borisenok L. A., Yakhontova L. K. (Moscow). Studies of Ohre from the Burials of the Bronze Age in the Lower Don	154
Molodin V. I., Pogozeva A. P. (Novosibirsk, Moscow). A Plate from Ozerno (Gorny Altai)	167
Gorbunova N. G. (Leningrad). Khangiz I, a Burial Ground in Ferghana	178
Gopak V. D., Radzievskaya V. E. (Vinnitsa, Kharkov). Forging at the Kolomak Fortified Settlement in the 6th-3rd Centuries B. C	199
Bespaly E. I. (Azov). Late Sarmatian Burials at Azov	213
Myts V. L. (Simferopol). A Cruciform Temple in Mangup	224

Notes

Vinogradov V. B., Neradenko T. N. (Grozny, Cherkassy). New Data on the Ties Between the Northern Caucasus and the Transcaucasus	243
Erlikh V. R. (Moscow). On the Origin of the Sceptres of the Pre-Scythian Time Tipped with Bird Heads	247
Kaminsky V. N., Astakhev I. L. (Krasnodar). Burials of Warriors of the Late Koban Time from the Mostovoi Cemetery on the Urup River	250
Gmyrya L. B. (Makhachkala). A Casting Mould for Mirrors from Daghestan	254
Zaitsev Y. P. (Simferopol). A Gold Stater from Naples Scythian	259
Mazhitov N. A. (Ufa). Coin Sets of the 8th Century from the Birski Cemetery	261
Kovalenko V. P., Putsko V. G. (Chernigov, Kaluga). A Byzantine Carved Pillar from Chernigov	267
Markov D. B., Strokov A. I. (Kiev). On Vladimir Svyatoslavich's Silver Object from the Ukrainian Museum of Historical Precious Objects	270
Markov D. B., Molchanov A. A. (Kiev, Moscow). Two Russian Seals of the 12th Century from the Lower Desna	271
Stennikov G. Y. (Volgograd). On Coin Minting Techniques in the Golden Horde	274

History of Science

Bibikov S. N. (Kiev). Gleb Bonch-Osmolovsky	277
Alexeyev L. V. (Moscow). Who Wrote „Baron K. I. Ash's Invitation“ (1819)? (On the First Guide to Collecting Antiquities Issued in the Provinces)	283

Book Reviews and Bibliography

Krenke N. A., Makarov N. A. (Moscow). Iron Age Studies in Salo // SMYA, 89:1. Helsinki, 1986	288
Makarov N. A. (Moscow). <i>Savelyeva E. A.</i> The Vymskie Burials of the 11th-14th Centuries, Leningrad, 1987	292
Kuznetsov V. A., Cherchesova M. D. (Ordjonikidze), <i>Zgusta L.</i> The Old Ossetic Inscription from the River Zelenchuk. Wien, 1987	297
Pugachenkova G. A. (Tashkent). <i>Goryacheva V. D.</i> The City of the Golden Camel. Frunze, 1986	304

Chronicle

Anikovich M. V. (Leningrad). Discussion on the Central Problems of the History of Primitive Society (In Connection with the „History of the Primitive-Communal System“, Vols. 1, 2)	308
Sedov V. V., Smirnov K. A. (Moscow). The Soviet-Finnish Symposium on „Cultural and Ecological Ties of the Slavic and Finno-Ugric Tribes in the Earliest Period and the Middle Ages“ (Helsinki, 1988)	314

В. И. МОЛОДИН, А. П. ПОГОЖЕВА

ПЛИТА ИЗ ОЗЕРНОГО (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Летом 1978 г. Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области, в 1,5 км к северо-востоку от пос. Озерное, на берегу озера найдена каменная плита с изображением животных¹ (рис. 1, 2). Плита была выпажана трактором при глубокой вспашке обширного поля (около 1,5 км длины и 0,5 км ширины). Более точное место находки тракторист указать не смог, так как заметил ее уже на краю поля, где трактор делал разворот и поднял плуг. Мы обнаружили плиту прислоненной к стене кошары и полузасыпанной навозом и соломой. Осмотр поля выявил остатки древнетюркских оград, найдены обломок характерного изваяния (в настоящее время опубликовано В. Д. Кубаревым) [1, с. 108, табл. III, 24], сильно распаханные курганы скифского времени. Глубокая многолетняя вспашка практически уничтожила рельеф могильного поля. Плита с изображениями не может быть отнесена к зафиксированным на поле могильникам тюркского или скифского времени. Дело в том, что, несмотря на значительный материал по наскальному искусству, относящийся к этим эпохам на территории как Горного Алтая, так и Центральной Азии, собранный и проанализированный в трудах Э. Б. Вадецкой, М. А. Дэвлет, В. Д. Кубарева, Н. В. Леонтьева, Г. А. Максименкова, А. Н. Марьяшева, Э. А. Новгородовой, А. П. Окладникова, Е. А. Окладниковой, Б. Н. Пяткина, Д. Г. Савинова, А. А. Формозова, Я. А. Шера и др. — не было встречено хотя бы отдаленных аналогий рассматриваемому объекту. Вероятнее всего, плита была связана с более древним памятником. Этим прежде всего объясняется высокая степень актуальности данного объекта исследования.

Плита из серого сланца, из которого сложены и окружающие озеро останцы. Высота ее 1,38 см, ширина в нижней части 0,75 м, ширина в верхней части 0,5 м, толщина от 0,14 до 0,25 м. Очевидно, первоначальная форма плиты была подпрямоугольной, что диктуется сохранившейся частью и композицией рисунка. Верхний правый угол уже после нанесения рисунка был отбит, в результате чего утеряна почти пятая часть поверхности плиты. Левая сторона сохранилась более полно, хотя и здесь есть мелкие сколы. Оббита также и нижняя, более массивная, слегка закругленная часть плиты. Здесь на месте сколов заметны заизвесткованность, следы длительного пребывания в почве. Обратная сторона плиты не подвергалась дополнительной обработке. Сохранившаяся часть лицевой гладкой плоскости плиты, несущей изображения, имеет размеры в крайних точках 1,13 × 0,76 м. Изображения животных в правой верхней и нижней части плиты частично уходят в изломы. Всего на сохранившейся поверхности насчитывается 13 фигур животных разной сохранности, выполненных в одинаковой технике и едином силуэтном стиле.

Говоря о технике нанесения изображений, следует отметить сочетание нескольких приемов при изображении животных — это сплошная выбивка с эле-

¹ Плита из Озерного перевезена в г. Новосибирск и хранится в Музее истории и культуры народов Сибири при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

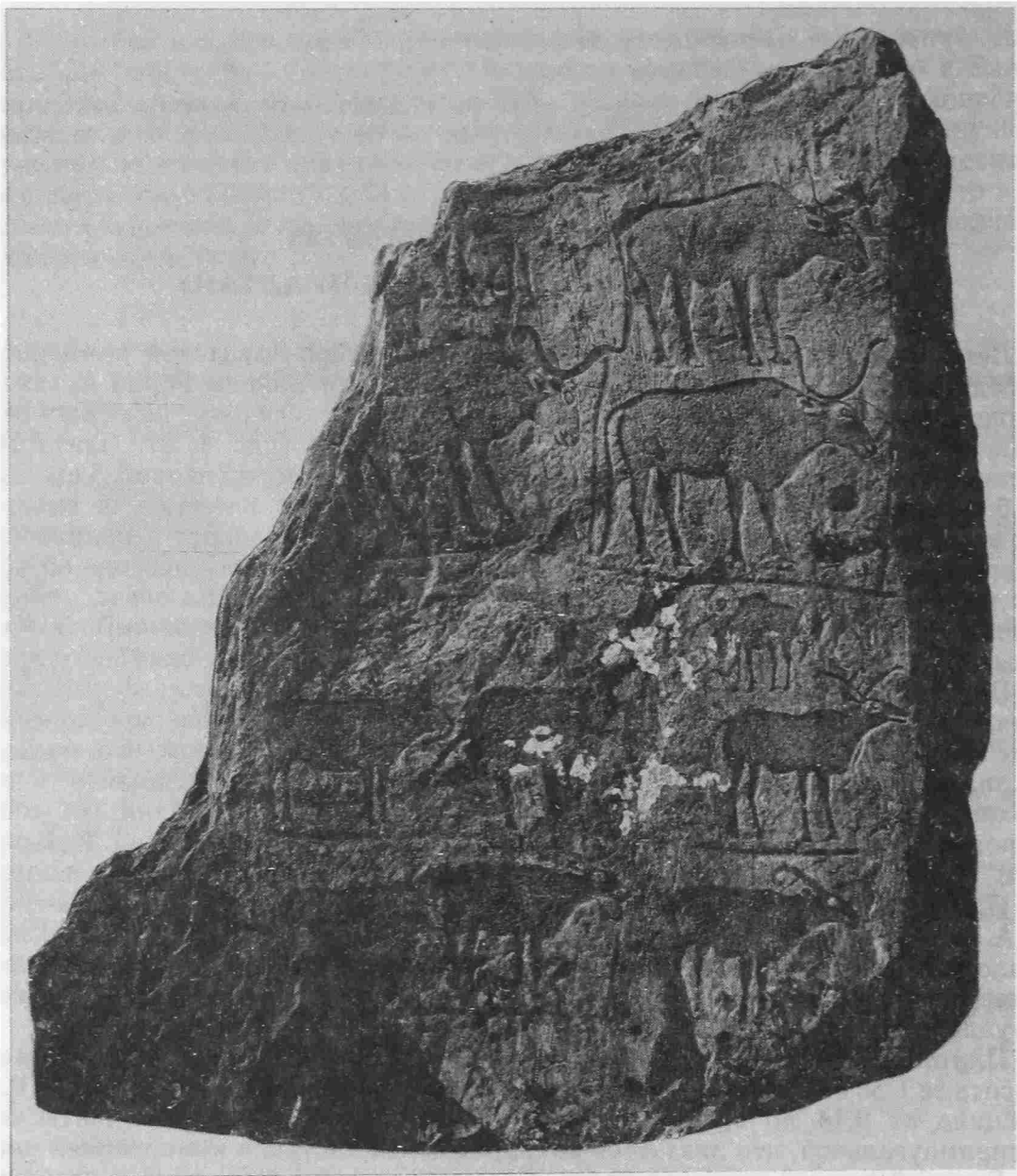

Рис. 1 Плита из Озерного. Фото

ментами барельефа и резьбой. Можно реконструировать последовательность работы мастера над фигурами: разметки резцом контуров и деталей объекта, сплошная выбивка глубиной 2—3 мм по всей площади фигуры, при этом сохранялась нетронутой поверхность камня на месте глаз, ушей, ноздрей, губ и копыт, что придает этим деталям выразительную рельефность. Затем резцом подправляются линии контура и слегка зашлифовывается выбитая поверхность. На некоторых изображениях большей или меньшей глубиной выбивки делается попытка передать характерную мускулатуру корпуса животного. Вертикальные и горизонтальные линии, а также чашеобразное углубление под мордой левого нижнего животного в верхнем фризе переданы выбивкой. Привязь к вертикальным палкам трех животных в верхнем фризе передана резцом. Сочетание этих технических приемов характерно для всех изображений на рассматриваемой плите и позволяет отнести их к одному стилю и времени.

Сложная техника исполнения позволяет достигнуть необычайной четкости, реалистичности и выразительности изображений животных, для которых характерны статика и монументальность. Единообразные технические приемы и

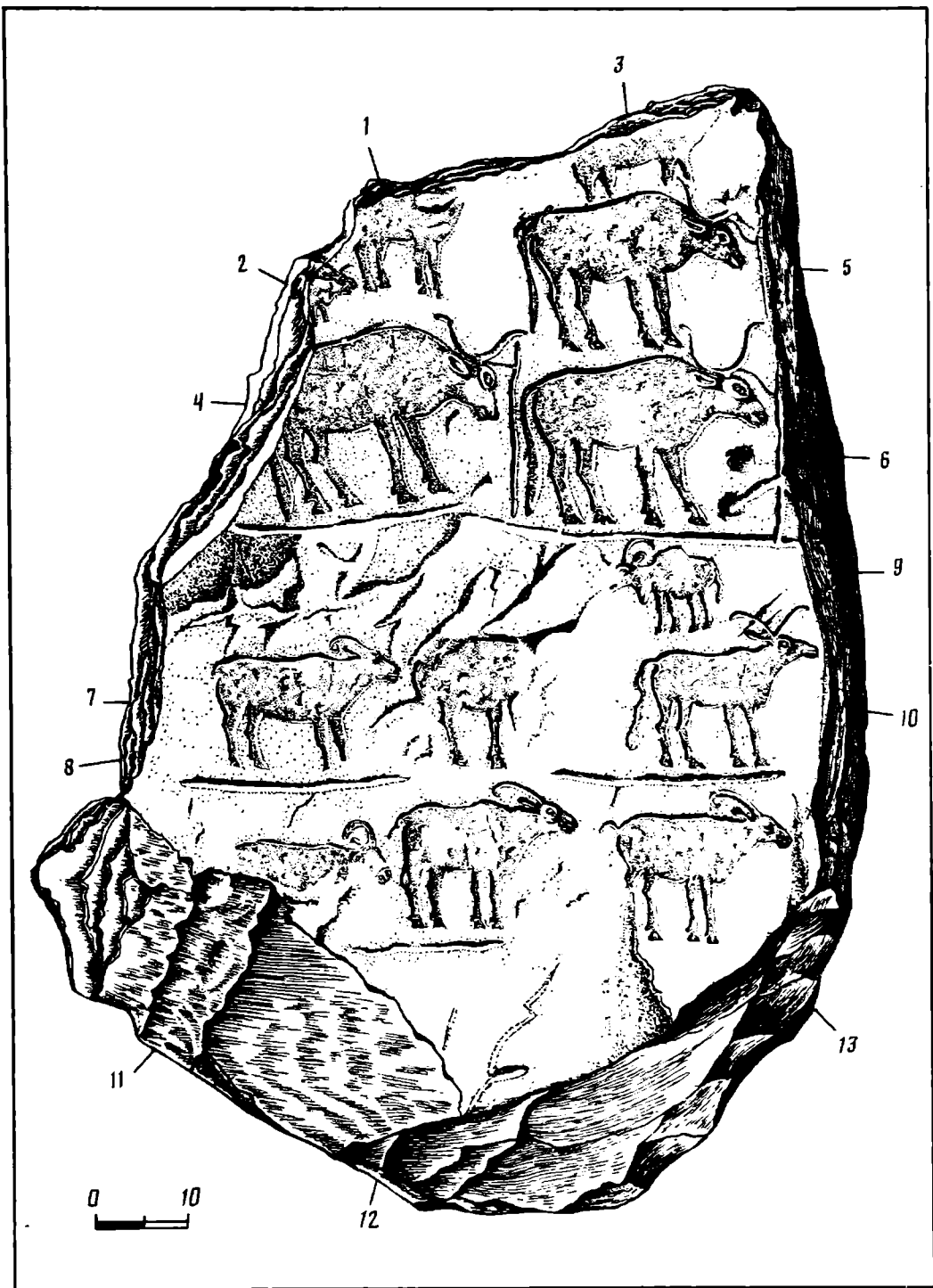

Рис. 2. Плита из Озерного. Прорисовка

стиль изображений позволяют рассматривать это произведение древнего искусства как единовременную, продуманную композицию. Композиция состоит из трех горизонтальных фриз. Высота сохранившейся части верхнего фриза 52 см, среднего — 25 и нижнего 17 см. Фризы разделены прерывистой горизонтальной выбитой линией, которая одновременно может служить условным обозначением поверхности, на которой стоят основные фигуры, хотя они на 2—3 см приподняты над этой линией. Горизонтальные линии расположены строго под основными фигурами животных и прерываются в промежутках между фигурами, не составляя единой декоративной черты. Это позволяет предполагать, что они служат обозначением поверхности земли, однако, поскольку животные

расположены параллельными горизонтальными рядами, создается четкое впечатление разделенности всей плоскости плиты на три фриза, и эти линии служат их границами. Наиболее выразительны изображения верхнего фриза (рис. 1, 1—6; 2). Здесь в первую очередь выделяются три профильные фигуры быков с лировидными развернутыми *ap face* мощными рогами (рис. 1, 4—6). Все животные повернуты головой вправо и представлены стоя в спокойной позе. Изображения сугубо реалистичны, пропорциональны и детально проработаны. Характерны крупное тулово с горбатой в холке, четкой линией спины, слегка опущенная голова, мощная грудная часть и слегка поджарое брюхо. Под шеей передан подгрудок. У каждого из животных изображено по четыре слегка расставленные ноги. Их контуры проработаны детально: хорошо видны естественные утолщения в области суставов, копыта переданы выпукло, рельефно. Хвост расширен в дистальной половине и свободно свисает до уровня копыт. Выразительны головы с проработанными деталями. На фоне выбивки изображены рельефом выпуклые овальные глаза со зрачками, подработанными резцом, рельефные овальные уши, губы и ноздри. На двух лучше сохранившихся фигурах (рис. 1, 5, 6; 2) заметна попытка передать объемы тела и мускулатуру при помощи различной глубины выбивки. Фигура 4 сохранилась хуже. Голова животного опущена ниже, чем у двух предыдущих, морда шире, корпус более мощный, шея короче, рога более массивны. Половые признаки отсутствуют у всех трех фигур. Исходя из посылок Н. В. Леонтьева, рассмотревшего морфологические признаки крупного рогатого скота на окуневских плитах [2, с. 27—36], можно было бы предположить по относительной грацильности форм и длине рогов в фигурах 5, 6 коров или волов, а в фигуре 4—быка, однако определения этих различий расплывчаты и не могут быть достоверно проиллюстрированы на рассматриваемой плите. Поэтому в дальнейшем мы будем условно называть все три фигуры быками, не исключая возможности более детального морфологического анализа и определения персонажей. Две нижние фигуры (4 и 6) подчеркнуты горизонтальными выбитыми линиями, отделяющими верхний фриз от среднего. Под верхней фигурой 5 такой черты нет. Перед головой каждого из трех животных вертикально выбита линия высотой почти в его рост. От основания рогов каждого животного к вертикальной линии проходит тонкая линия, очевидно, передающая веревку. Таким образом, все три животных стоят около вертикальной палки или столба, к которым они привязаны за основание рогов. В верхней части плиты над фигурой быка 4 сохранились изображение четырех ног и контур живота (1), принадлежащих еще одной фигуре копытного животного, но меньших размеров (рис. 1, 1; 2). Стилистически остатки этого изображения очень близки вышеописанным, и естественно предположить в нем еще одного быка или теленка. В этой же части плиты сохранилось изображение передней части какого-то небольшого животного (2), выполненного в той же технике сплошной выбивки (рис. 1, 2; 2). Хорошо различаются профильное изображение горбатой морды с круглым выпуклым глазом и передняя часть корпуса с поставленными параллельно ногами. Горбоносая голова напоминает характерный силуэт сайгака, но с уверенностью определить эту фигуру не представляется возможным. Наконец, в верхнем правом обломанном углу плиты можно увидеть следы шестой фигуры верхнего фриза 3; здесь прослеживаются две передние и менее явно две задние ноги и часть корпуса какого-то стоящего животного (1, 3; 2). Необходимо упомянуть, что под головой быков заметны углубления, выбитые в камне, но если лунки под головой верхних животных не оформлены, то особенно тщательно сделано круглое чашечное углубление диаметром 3—4 см под мордой быка 6 (рис. 1, 2). Всего в верхнем фризе насчитывается шесть фигур, три из которых определены единым сюжетом; это, вероятно, одомашненные быки, стоящие на привязи.

Средний фриз включает четыре профильные фигуры животных (7—10), три из них, примерно одинаковых размеров, повернуты головой вправо, и каждая подчеркнута выбитой линией (7, 8, 10); она может рассматриваться как поверх-

ность земли, на которой стоят животные, и как разделительная черта от нижнего фриза (рис. 1, 2). Все фигуры также спокойно стоящие и выполнены в той же технике, что и на верхнем фризе. Изображение 10, очевидно, принадлежит оленю (рис. 1, 10; 2) (по определению профессора Н. Н. Воронцова — северному)² Формы животного изящны, грациозная голова его, увенчанная V-образными рогами, поднята, сзади головы рельефно передано настороженное ухо. Глаз и губы также переданы рельефом, под шеей отчетливо выражен подвес, четыре выпрямленные ноги проработаны детально, особо тщательно суставы, голень, копыта. Довольно длинный, нехарактерный для оленя хвост передан выбитой линией. Вообще идентификация образа достаточно сложна. Так, известные нам в писаницах Северной Азии изображения северного оленя мало похожи на вышеописываемого и отличаются прежде всего характерными для этого животного рогами, как, впрочем, и не менее характерным в профиль туловищем «трапециевидной» формы [3, с. 93—124] Форма рогов этого оленя более характерна для марала. И уж совсем необычен длинный хвост, которого не бывает ни у одного вида оленей. Поэтому не исключено, что перед нами вообще синкретический образ, кстати, чрезвычайно характерный для изобразительного искусства окуневской культуры [4, табл. LII, 117, LIII, 127]

Следующая центральная фигура 8 почти не сохранилась из-за сбоя по поверхности плиты (рис. 1, 8; 2). Можно проследить только одну переднюю и часть задней ноги, линию живота, частично — спины и округлый круп. Фигура 7 несколько массивнее двух первых (рис. 1, 7; 2). Крупная голова на толстой шее имеет сколы поверхности в верхней части. Здесь как будто неясно прослеживается круто закрученный рог, характерный для барана. Но рог, как можно судить по выщербленной поверхности, был передан не выбивкой, как у других животных, а скорее рельефом. Детали широкой морды проработаны слабо. Корпус мощный, круп более поджарый и не округлый, как у остальных фигур, а заканчивается углом. Хвоста нет. Спина передана почти прямой линией, ноги длинные и сухие. Проработаны суставы и копыта. На этом же фризе над фигурой оленя помещено еще одно изображение небольшого копытного животного 9, единственного на всей плите повернутого головой влево (рис. 1, 9; 2) Сравнительно короткое туловище на высоких ногах с хорошо переданными острыми копытами, низко опущенная голова с удлинённой мордой и круто закругленный вокруг рельефного уха рог могут передать фигуру дикого барана.

Нижний, самый узкий фриз содержит три стоящие фигуры (11—13). Задняя 11 смещена чуть ниже относительно двух других и сохранилась плохо (рис. 1, 11; 2). Нижняя часть ее уходит в излом, остальное повреждено сбоями на поверхности. Хорошо видна только прямая линия спины с бугорком над плечом, и лишь угадывается опущенная морда.

Две другие фигуры, центральная и правая [12, 13], сохранились достаточно хорошо (рис. 1, 12, 13; 2). Обе изображают один и тот же вид животного, относящегося к семейству полорогих. Тонкая, грациальная голова с выпуклым круглым глазом венчается длинным, идущим назад саблевидным рогом, который круто завивается в неполный оборот на самом конце; под рогом прорисовано небольшое ухо. В отличие от фигур быков и оленя рога не развернуты *ap face*, а переданы в профиль, сливающимися в один. Длинная шея с подвесом переходит в подпрямоугольное тулово, короткий хвост едва намечен. Передние и задние ноги выпрямлены и отчетливо проработаны. Все фигуры подчеркнуты выбитой снизу горизонтальной линией. Несмотря на хорошую сохранность, определить вид изображенного животного пока не удалось. Биологи затрудняются идентифицировать его с каким-либо конкретным видом, а канд. биол. наук Н. Д. Оводовым³ была даже высказана мысль, что перед нами, возможно,

² Авторы благодарны проф. Н. Н. Воронцову и к. б. н. В. М. Сечкину за определения персонажей животных на плите из Озерного.

³ Авторы благодарны к. б. н. Н. Д. Оводову за определения персонажей животных на плите из Озерного.

изображение вымершего представителя семейства коровьих антилоп — парабубала, которое просуществовало, как предполагает проф. Н. К. Верещагин, на Алтае вплоть до I тыс. до н. э. [5, с. 396] В размерах это животное, вероятно, не уступало маралу. Этот довод может быть подкреплен описанием единственного обломка черепа парабубала из Забайкалья [6, с. 127—134]

К сожалению, несмотря на многочисленные сборы позднеплейстоценового и голоценового палеотериологического материала, остатки парабубала с территории Алтая палеонтологам пока не известны.

Итак, среди 13 изображений животных на сохранившейся части плиты можно выделить 9 основных фигур, на которых базируется вся композиция. Это 3 фигуры быков, 3 фигуры, расположенные в ряд среднего и 3 — нижнего фриза. О фрагментах изображений, уходящих в верхний излом, сказать что-либо трудно. Из 9 основных фигур надежно определимы только 7, две плохо сохранились. Своеобразна верхняя фигура среднего фриза (9), повернутая влево. Несмотря на идентичную остальным технику изображения, она статистически и композиционно «выпадает», но, возможно, имеет какую-то семантическую значимость. Повторение стоящих фигур, одинаково повернутых влево, соблюдение определенных уровней изображений, организующих ряды животных и фризы, создают четкую ритмичность композиции. Древний художник цепко подметил и точно передал особенности каждого вида животных и строгие пропорции их тела. У всех основных сохранившихся фигур отношения высоты в холке к длине тулова (от крупа до конца морды) одинаковы и равны 0,74. Только у фигуры барана (?) в среднем фризе, повернутой влево, это отношение равно 0,90. Соблюдены в основном и естественные соотношения величины животных. Быки верхнего фриза примерно в 1,5 раза (1,46) крупнее фигуры оленя, барана и антилоп.

Единый, высокохудожественный, реалистичный стиль изображений всех животных, общие сложные технические приемы, при помощи которых они выполнены, организация пространства поверхности плиты в три фриза и особый ритм фигур, которые располагаются горизонтальными рядами и одновременно, находясь друг под другом, образуют вертикальные ряды, что особенно строго выражено в двух нижних фризах, объединяют основные фигуры в законченное произведение, сделанное по единому замыслу. Каков же был сюжет этой композиции? Мы видим определенную иерархию животных, на вершине которой располагаются быки, ниже — олень и баран (?) и в самом низу, очевидно, реликтовые антилопы (?) с характерными, но неизвестными у современных видов рогами. При этом быки выделены особой своей причастностью к человеку, привязавшему их за рога к столбу. Несомненно, это домашние животные, чего нельзя сказать о всех прочих. Кроме того, быкам сопутствуют выбитые под головой углубления, особенно четко такая круглая лунка показана под головой левой нижней фигуры в верхнем фризе. Если принять широко бытующую у специалистов по петроглифам точку зрения, то подобные круглые лунки относятся к солярным или астральным изображениям [7]. Можно совместить эти представления и предположить, что у местных древних скотоводов существовал культ быка, посвященный астральному божеству. Это согласуется с «бычьими» культурами, хорошо известными в древности в Средиземноморье, Юго-Восточной Европе, Северной Африке, Передней и Средней Азии, а также в более близкой территориально Минусинской котловине, где этот культ зафиксирован в бычьеголовых рогатых личинах, на окуневских каменных плитах, стелах, писаницах, несомненно, относящихся к культовым атрибутам [4, рис. 10] Тогда не исключено предположение, что эти культовые животные являются жертвенными и потому находятся на привязи. Однако при такой трактовке не вполне понятна роль других животных, представленных в композиции⁴

⁴ Интерпретируя одно из изображений быка на плите из Озерного. В. Д. Кубарев считает, что чашевидное углубление может «информировать о том, что была принесена жертва, в данном случае бык» [7, с. 72, рис. 3, 4] (Рисунок, воспроизводимый В. Д. Кубаревым в данной работе (рис. 3, 4), крайне схематичен.)

Плита с изображениями найдена на могильном поле и, возможно, входила в погребальный комплекс. Предполагаемая подпрямоугольная форма ее дает возможность считать, что она могла быть использована в конструкции каменного ящика. Однако массивная нижняя часть плиты и необработанная ее сторона свидетельствуют против этой возможности. Некоторые исследователи не без основания полагают, что плиты с изображениями окуневской культуры использованы в качестве строительного материала для погребальных каменных ящиков вторично, а первоначально они принадлежали особым святилищам. Однако подобные святилища нам не известны. Кроме того, бесспорны специально нанесенные на внутренние стенки ящиков краской рисунки из могильника Каракол (онгудайский) и роспись ящиков из крымских курганов эпохи бронзы [9, с. 38—47].

Таким образом, вопрос о назначении изучаемой плиты остается пока открытым.

Сложной является проблема определения культурно-исторического места этой уникальной находки. Организация композиции в горизонтальные фризы, столь характерные для Египта и Ближнего Востока в эпоху бронзы, как, впрочем, и сложная техника барельефа (сюда можно добавить наскальные изображения Северной Африки), — почти совершенно не характерные для эпохи бронзы Северной и Центральной Азии. Достаточно сказать, что авторам известно лишь одно изображение, выполненное сплошной выбивкой с элементами барельефа и резьбой, — это изображение головы лося с Каменных островов на Ангаре, опубликованное А. П. Окладниковым [10, с. 63]. Кроме того, техника изображения деталей рисунков (глаза, ноздри, губы) барельефом известна на некоторых оленных камнях. Ярусное построение композиции [10, с. 63] шагающих друг за другом животных известно на металлическом сосуде Майкопского кургана эпохи бронзы, однако и это произведение, по мнению специалистов, принадлежит к образцам переднеазиатского искусства [11, с. 38, рис. 30—32]. Нам известны лишь две плиты из Минусинской котловины, где композиционное построение сходно с плитой из Озерного. Г. Ф. Миллером в первом томе его «Истории Сибири» на рис. 16 опубликовано изображение могильного камня с нанесенными на нем фигурами животных (рис. 3). Точное место находки не указано. Это зарисовка с натуры прямоугольной каменной плиты, где изображено семь горизонтальных рядов животных [12, с. 171]. Три верхних ряда содержат по четыре профильные фигуры хищников из семейства собачьих с пышными длинными хвостами, по морфологическим признакам их следует отождествлять с лисами или песцами. Четыре нижних ряда содержат по три профильные фигуры маралов с широкими развесистыми рогами. Все фигуры повернуты вправо, они изображены стоящими на четырех ногах. Судя по рисунку, у всех маралов точечным углублением переданы глаза.

В начале 60-х годов в Малых Копенах Л. П. Зяблиным была найдена плита подпрямоугольной формы, оббитая в верхней и нижней части. Плита была вторично использована при возведении ограды карасукского могильника⁵, а затем перевезена в музей г. Абакана, где и хранится. На этой плите контуром изображены семь рядов животных (рис. 4). Сверху — задняя часть фигуры зверя (остальное оббито) и ноги, принадлежавшие, по свидетельству М. Ф. Косарева, реставрировавшего плиту в Абакане из ее обломков, двум человеческим фигурам в птицеголовых масках (на предоставленной нам фотографии видны только ноги двух человеческих фигур). Следующие три ряда изображают хищников из семейства собачьих, по 4—5 в каждом ряду. Три нижних ряда

⁵ Авторы сердечно благодарят д. и. н. М. Ф. Косареву, указавшему на эту аналогию и предоставившему в наше распоряжение любительскую фотографию плиты. Прорисовку отчетливо видимых изображений мы публикуем в данной статье. Следует иметь в виду, что при работе с оригиналом могут быть обнаружены новые изображения.

Рис. 3. Плита из Минусинской котловины (по Г. Ф. Миллеру)

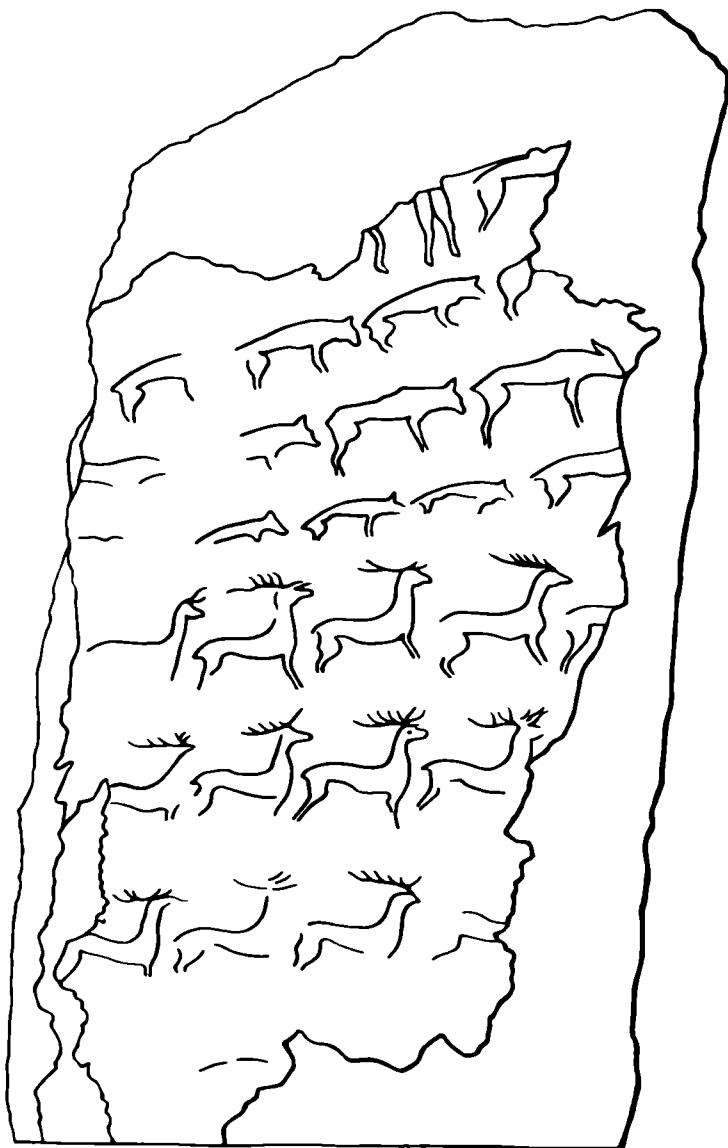

Рис. 4. Прорисовка фотографии плиты из могильника Малые Копены

представлены фигурами маралов, по 4—5 особей в каждом. Все изображения контурные, резные, все повернуты вправо. Однако у каждого из животных изображено только по две ноги, и рога маралов не развернуты на зрителя, а также переданы в профиль. Как видно по сюжету и композиции, обе плиты весьма близки. Таким образом, в настоящее время на территории Южной Сибири известны три плиты с необычной композицией, выстраивающей в параллельные ряды фигуры стоящих животных, повернутые вправо. Можно с достаточным основанием утверждать, что если они и не синхронны, то довольно близки по времени. Так, плиту из Озерного и миллеровскую находку сближают помимо композиции стилистические особенности — прорисовка у каждого животного всех четырех ног при общем профильном изображении, разворот рогов на зрителя и передача глаза (к сожалению, техника нанесения изображений на миллеровской плите неизвестна). Абаканская плита близка миллеровской композиционно и по сюжету. Именно эта плита имеет чрезвычайно важное значение для определения хронологии анализируемых памятников. Во-первых, она найдена при вторичном использовании в ограде могильника, курганы которого относятся к окуневской, карасукской и тагарской культурам [13, с. 12]; более точное место ее находки, к сожалению, неизвестно. Во-вторых, птицеголовые антропозооморфные существа, реконструированные М. Ф. Косаревым, живо напоминают изображения подобных существ из могильника оку-

невской культуры Тас-хазаа [14, рис. 2]. Аналогичные рисунки, выполненные красками, вместе с изображениями животных и антропоморфных существ с бычьими рогами недавно обнаружены в кургане 2 у с. Каракола близ Онгудая В. Д. Кубаревым в Горном Алтае, в 50—60 км от Озерного [15, с. 102—104]. Специфичен и погребальный обряд этих захоронений, что, с одной стороны, сближает их с погребениями из могильника Озерное, исследованного А. П. Погожевой [16], с другой — демонстрирует несомненные параллели с окуневской культурой. На юго-западном берегу озера, у с. Озерное, и к югу от озера, непосредственно за небольшой горной грядой, на территории пос. Озерное и на его южной окраине, сохранились по крайней мере три могильника, каждый из которых состоит из нескольких больших земляных курганов. Некоторые из них окружены врытыми ребром каменными плитами. Средний диаметр курганов 20—30 м, высота сохранившейся насыпи достигает 1,5 м. Один из разрушенных при строительстве курганов был доисследован в 1976 г. [16, с. 80—84]. Под земляной насыпью обнаружено несколько каменных ящиков. На торцевой плите одного из ящиков изображена антропоморфная фигура в грибовидном головном уборе, нанесенная бордовой краской. Уже приходилось отмечать, что по ряду признаков этот памятник можно отнести к культуре эпохи бронзы, весьма близкой окуневской [16, с. 80—84] и относящейся к самусьско-сейминскому культурно-хронологическому пласту [17, с. 109—111]. Начаты исследования и второго такого могильника у с. Озерное [18, с. 66].

Фигура быка, выполненная в силуэтном стиле техникой сплошной выбивки на камне 108 в Мугур-Сарголе (верховье Енисея), датируемая М. А. Дэвлет окуневским временем, наиболее близка по всем признакам изображению быков на плите из Озерного [19, с. 103—104]. Фигуры быков, переданные сплошной силуэтной выбивкой, с развернутыми рогами, иногда с лункой (солярный знак?), встречаются в петроглифах Горного Алтая (Кызыл-Кель) [20, табл. 1, рис. 1; табл. 5, рис. 16; табл. 104, рис. 3], в Монголии (Орхон Сапон и Ховцгайт) [21, табл. 98, 7, табл. 5, 1]. У остальной массы фигур быков, выбитых и прочерченных в контурном и силуэтном стиле, рога переданы параллельными кривыми линиями, обычно направленными вперед [22, табл. III]; в самих окуневских памятниках развернуты рога только на личинах и антропоморфных стелах, в остальных случаях рога окуневских быков даны, как правило, двумя параллельными изогнутыми линиями. Корпус окуневского быка характерно развернут таким образом, что особо выделена задняя часть животного. Не случайно, что она часто отмечена солярной символикой. Уместно отметить, что изображения отдельно взятых рогов окуневских быков в виде двух параллельных изогнутых линий являются обязательной составной частью всех фантастических композиций окуневской культуры, где элементы фантастического существа выполнены в виде реалий, оторванных от того или иного реалистического изображения. Приходится так подробно акцентировать на этом внимание, поскольку появляются, на наш взгляд, крайне спорные интерпретации сюжетов окуневского искусства [23, с. 19—33], связываемые с земледелием, которого никогда не было у окуневцев, во всяком случае в развитом виде. Таким образом, изображение быка у окуневцев весьма специфично и культурно значимо. Для Тянь-Шаня и Памиро-Алтая характерен совсем другой, битреугольный стиль изображений тулова быка [22, табл. III]. Изображения быков с территории Казахстана [24, рис. 99, с. 180] близки в целом изображениям Алтая и Монголии и имеют, как правило, параллельно вытянутую вперед пару рогов. Говоря об аналогиях изображений реликтовых антилоп, мы рискуем впасть в ошибку, ориентируясь на публикации изображений, чаще всего очень мелкомасштабные. Уверенно можно говорить, пожалуй, лишь об одном известном нам изображении этого животного — в Западном Тянь-Шане [25]. Однако здесь сходен лишь образ (что в данном случае небезынтересно); трактовка образа, манера исполнения — несопоставимы.

Таким образом, пытаясь выделить круг сюжетов первобытного искусства [7, с. 21], можно, видимо, говорить о распространении сходных по сюжету и трактовке образов на территории Саяно-Алтая и Монголии, что объясняется, скорее всего, бытованием здесь сходного круга культур типа окуневской. В связи с этим совершенно уместно поставить вопрос о культурной принадлежности плиты из Озерного. Приведенный круг аналогий и рисунок на плите из Абаканского музея, думается, достаточно убедительно говорят о датировке плиты окуневским временем, т. е. серединой — второй половиной II тыс. до н. э. К этому времени на территории Горного Алтая, очевидно, принадлежат могильники у с. Озерное и Каракол [15, 16] (онгудайский), стелы окуневского типа из Тюргуна и Куруузэка [26, с. 80, рис. 6, 1, 2], изваяние каменной «головы» с р. Елангаш и обломки изваяния из окрестностей р. Иня Онгудайского р-на [27, с. 9, рис. 2, с. 10]. К этому же времени, а возможно, и к одной культуре следует отнести керамические комплексы из Озерного [28, с. 59, рис. 4, 12], своеобразный комплекс керамики поселения Кара-Тенеш [29, с. 94, 95], керамику из слоя 10 Денисовой пещеры [15—19; 30, рис. 14, 2, 3], стратиграфически доказывающие культурно-историческое место данного круга культур на Горном Алтае. К этой культуре (или группе родственных (?) культур) следует отнести и случайные находки ножей и кинжалов срубно-андроновского облика из различных мест Горного Алтая [26, с. 84, рис. 7, 2; 28, с. 57, рис. 3, 7—9, с. 61, рис. 5, 4]. Специфика керамики и отличие ее от комплекса окуневской посуды, несмотря на разительное сходство в некоторых памятниках искусства (могильник у с. Каракол (онгудайский), каменные изваяния), не позволяют, по нашему мнению, говорить о существовании в Горном Алтае племен — носителей собственно окуневской культуры. Культура эта, несомненно, особая, достаточно специфичная; с окончательным ее выделением и присвоением названия, думается, торопиться не стоит, во всяком случае до тех пор, пока на достаточном массовом материале не удастся провести сравнительный анализ керамических комплексов и погребального обряда памятников Горного Алтая, Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984.
2. Леонтьев Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
3. Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971.
4. Вадецкая Э. М. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980.
5. Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен — современность. Л.: Наука, 1981.
6. Громова В. И. О новой ископаемой антилопе (*Parabubalis corpicornis* n. gen. et n. sp.) из Забайкалья // Ежегодник зоологического музея АН СССР. 1931. Вып. 32.
7. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству // МИА. 1969. № 165.
8. Кубарев В. Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986.
9. Щепинский А. А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3.
10. Окладников А. П. У истоков искусства Сибири // Искусство. 1961. № 1.
11. Блек В. Б. Искусство Кавказа медного и бронзового века // История искусства народов СССР. Т. 1. М.: Искусство, 1971.
12. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
13. Зяблин Л. П. Карасукский могильник Малые Копены 3. М.: Наука, 1977.
14. Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1961.
15. Кубарев В. Д. О локальном варианте окуневской культуры на Алтае // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1986.
16. Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
17. Молодин В. И. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
18. Молодин В. И., Петрин В. Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1985.
19. Дэвлет М. А. Петроглифы Муруг-Саргола. М.: Наука, 1980.

20. *Окладников А. П., Окладникова Е. А.* Петроглифы Кызыл-Кёля. Новосибирск: Наука, 1985.
21. *Окладников А. П.* Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981.
22. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
23. *Мартынов А. И.* Растительная символика на изваяниях окуневской культуры // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1983.
24. *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977.
25. *Маджи А. Е.* Наскальные рисунки в горах Моголтау // Изв. АН Тадж. ССР. Отд.-ние обществ. наук. 1957. Вып. 14.
26. *Кубарев В. Д.* Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
27. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979.
28. *Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1982.
29. *Погожева А. П., Молодин В. И.* Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980.
30. *Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В.* Исследование Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев. Препринт. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР 1985.

V. I. MOLODIN, A. P. POGOZHEVA

A PLATE FROM OZERNOE (GORNÝ ALTAI)

Summary

The stone slab that was found at the village of Ozernoe is dated to the Bronze Age. It shows realistically executed animal figures arranged into three friezes. Seven figures out of the total 13 can be easily identified: they are bulls, a reindeer, probably rams and ancient antelopes. Other figures are damaged. The slab's purpose remains unclear since it was displaced by a tractor. Undoubtedly, it was connected with a burial ground. Analogies were found among the slabs from the Minusinsk Depression, one of them known from G. Miller's publication. They also showed animals arranged in rows. The drawings were made in a similar manner though the drawing technique was different. Besides, partial analogies can be found among the drawings of the Okunevo culture and petroglyphs of the same period. An analysis of these objects and the newly discovered Bronze Age materials in Gorný Altai relate the slab to the Okunevo culture type represented by the complexes from the synchronous levels in Kara-Tenesh, the Denis Cave, etc. The slab is tentatively dated to the first half-middle of the second millennium B. C.